

Как я работал над стабильным учебником древней истории

Если вообще написание марксистского учебника истории для советской школы является чрезвычайно трудной и ответственной задачей, то написание такого учебника по древней истории — вдвойне трудное дело. На моем пути здесь стояли специфические трудности, с какими не встречается автор учебника по эпохе феодализма или капитализма. Теоретические вопросы, касающиеся этих последних формаций, хорошо разработаны на основе ясных и подробных установок Маркса и Энгельса. А для древней истории эта работа еще далеко не проделана. Начать с того, что установки Маркса и Энгельса имеются только по отношению к античному (рабовладельческому) обществу и отчасти по отношению к доклассовому обществу, или архаической формации. Но архаическая формация занимала внимание Маркса только на ее последнем этапе родового и сельской общины; родовая коммуна лишь бегло затронута у Энгельса. Что же касается древнего Востока, то и у Маркса и у Энгельса имеются лишь спорадические попутные замечания, которые дают скорее намеки, чем точные указания, и оставляют неразрешенным целый ряд основных теоретических вопросов. Тут необходима еще большая, упорная работа марксистской исторической мысли, необходимо раскрытие точного, подлинного смысла высказываний Маркса и Энгельса относительно истории Востока посредством кропотливой исследовательской работы над древневосточным документальным материалом. Однако до сих пор идет еще только дискуссия, которая пока только ответила, как не следует понимать Маркса и Энгельса, но не ответила, как надо понимать точку зрения Маркса и Энгельса на характер общественно-экономического уклада, существовавшего на древнем Востоке. Эта первая трудность — теоретического характера.

Вторая трудность — практического характера. Надо писать советский учебник истории, не имея никакого советского стандарта. Эта трудность стоит на пути любого автора исторического учебника, но для автора учебника древней истории она приобретает особую остроту. Ибо учебник древней истории — это первая книга по истории, которую получает в руки ученик советской школы. Учебник древней истории дает первые уроки истории, и от того, как разрешена задача в этом учебнике, зависит отношение учащихся к истории как к учебному и воспитательному предмету. Учебник древней истории должен заинтересовать, сдружить учащихся с историей. Он уже на своем, отдаленном от нас и не всегда понятном даже для взрослых, материале должен показать, что «история есть политика, обращенная в прошлое», должен заразить учащихся «историческим микробом», должен на материале древности крепить и внедрять революционный пафос, ненависть к угнетательским, эксплуататорским классам, звать на борьбу против эксплуатации человека человеком, на строительство социалистического бесклассового общества со свободным, радостным трудом. На материалах древности сделать это значительно труднее, чем на материале феодализма или капитализма. Но это надо сделать, — иначе цель учебника не будет

достигнута. И это надо сделать, не впадая в дидактику и не забывая основной задачи — дать учащимся знание древней истории. А образцов нет. Пришлось быть пионером этого дела.

Третья трудность — специально касается меня. Я должен был разрешать поставленную мне задачу, не будучи практически близко знакомым с учащимися современной советской школы. Я работал 19 лет в прежней, дореволюционной школе и знал ее ученический состав, уровень его умственного развития и его интересы, знал, как к нему нужно подходить. Я знаю и теперешних детей, но не в школе, а дома; теперешний учащийся непосредственно мне неизвестен. Я знаю только, что политический уровень теперешних двенадцати-тринадцатилетних ребят неизмеримо выше уровня прежней мелкобуржуазной и буржуазной учащейся массы, и поэтому предполагал, что если дореволюционная учащаяся масса обнаруживала живой интерес к быту и нравам и скучала над политикой, то теперешняя, пролетарская и колхозная, учащаяся масса над политической скучать не будет, если эту политику ей в надлежащем виде преподнести. Я расценивал это как благоприятный момент и очень желал бы, чтобы я здесь не ошибся.

При таких обстоятельствах я не без больших колебаний взялся за предложенную мне задачу. Я полагал, что мой долг перед социалистическим отечеством обязывает меня отдать на это дело все мои знания и весь мой опыт. А в области древней истории знания у меня имеются. Историей Востока и историей Греции я занимаюсь со студенческой скамьи; историей доклассового общества и римской историей я много занимался в связи с моими курсами в Белорусском гос. университете. Преподавательский стаж в средней школе у меня большой; в свое время я пробовал свои силы, и не без успеха, и в учебно-педагогической литературе — переработал в 1911 г. хорошо известную в дореволюционное время учебную книгу «Первые уроки истории», составленную в 1878 г. выдающимся педагогом П. П. Мельгуновым, а также выпустил популярные книги по истории Вавилона и Израиля. Марксистский метод исследования теории я начал применять также еще в 900-х годах, работая над статьями по истории русской религии и церкви для «Русской истории» незабвенного Мих. Ник. Покровского. С этими данными я осмелился взяться за поставленную мне Учпедгизом трудную и ответственную задачу.

При ее разрешении мне прежде всего пришлось столкнуться с общими теоретическими и политическими вопросами, которые нужно было осветить во введении. Связь истории с политикой, деление истории на эпохи доклассового, классового и бесклассового общества, сущность классовой борьбы и ее роль как главнейшего фактора исторического развития — все это можно было подать детям без особого труда, опираясь на окружающую их современность и на те общественно-политические понятия, которые они успели получить в младших группах. Неизмеримо труднее оказался вопрос о способах производства и общественно-экономических формациях. Понятие об этих категориях, точно соблюдающее

формулировки классиков марксизма, можно дать студентам или учащимся самых старших групп, уже знакомым с историей. Но для учащихся V группы это, безусловно, невозможно, такие формулировки будут для них непонятны, ибо они носят отвлеченный характер и опираются на понятия о производстве, производительных силах и производственных отношениях, т. е. на такие понятия, которые для V группы сами нуждаются в подробном разъяснении и по своей трудности вряд ли могут быть в V группе усвоены. Я пытался дать упрощенное изложение учения о способах производства, но и оно, по справедливому замечанию редакции, оказалось трудным и малопонятным для V группы и в то же время, конечно, страдало неточностями и неполнотой, неизбежными спутниками всякого упрощения. В конце концов пришлось отказаться от такой попытки, ограничившись тем, что по мере прохождения курса древней истории учащиеся постепенно на конкретном материале познакомятся с первобытно-коммунистическим, феодальным и рабовладельческим способами производства, а позднее, в конце курса обществоведения и на уроках истории в старших группах, получат уже стройное и точно сформулированное учение об общественно-экономических формациях, которое тогда будет опираться на усвоенный учащимися конкретный материал из всех эпох истории от ее начала до конца классового общества и начала социалистического общества.

Далее, на протяжении всего курса древней истории я стремился везде, где было это можно, связывать историю с политикой. Тут, конечно, опорными пунктами были прежде всего моменты обострения классовой борьбы — восстания крестьян и рабов, перевороты, но также и формы классовой эксплуатации и классового господства. Я старался при этом всегда выделять и подчеркивать предательскую роль «союзников» трудящихся из лагеря эксплуататоров, разоблачать мнимое «демократический» характер разных реформ и конституций и вскрывать их классовую сущность. Кроме того, я связывал историю с политикой также в тех частях учебника, где приходилось говорить о религии. Я исходил здесь из того бесспорного положения, что антирелигиозное воспитание есть одна из важнейших составных частей коммунистического воспитания, и потому, говоря о религии, я всегда рассматривал ее с точки зрения воинствующего безбожника. Я начал это с самого зарождения религии и провел эту линию до конца учебника. При этом я намеренно избегал религиозных характеристик, оторванных от общественно-политических моментов. Отдельные параграфы у меня посвящены религии только в тех случаях, когда это было безусловно необходимо — для разъяснения происхождения религии и магии (первых форм религии, появления колдунов и жрецов) или для разъяснения происхождения и развития христианства. Но и тут мое изложение неразрывно связано с изображением общественного развития и классовой борьбы, так что выделение подобных отдельных параграфов является чисто техническим приемом.

В связи с этими моментами политическо-воспитательной роли исторического преподавания возник вопрос о стиле изложения. Вообще для меня было ясно, что автор учебника для V группы должен быть рассказчиком: он рассказывает детям о прошлом в понятных для них

выражениях, давая при этом яркие и интересные для детей конкретные иллюстрации фактического характера. Но автор советского учебника истории никоим образом не может быть спокойным, «объективным» рассказчиком вроде эпического Нестора-летописца. Такими никогда не были и авторы буржуазных учебников истории, и они давали в учебниках свои политические оценки, например при изложении истории французской революции или при изложении крестьянских восстаний в прежней России, Франции, Англии. Советский учебник истории, однако, на мой взгляд, должен идти еще дальше, он должен своим стилем, своим изложением агитировать в а т ь. Я старался сделать это, не избегая в некоторых случаях даже прямых призывов к учащимся. Критика дает оценку тех приемов, какие с этой целью мною были применены. Прибавлю только, что этот же агитационный момент я имел в виду и при подборе рисунков. Я старался прежде всего дать такой материал, который наглядным образом характеризовал бы феодальную и рабовладельческую эксплуатацию и подчеркивал бы слова учебника своим выразительным языком конкретного изображения.

При составлении отдельных частей учебника для меня лично легче всего была работа над доклассовым обществом и Древним Востоком. Проблемы доклассового общества сейчас усиленно разрабатываются марксистской исторической мыслью, которая имеет для этого в своем распоряжении и основные установки классиков марксизма и богатейший археологический и этнографический материал. Восток мне хорошо известен в силу моих занятий им еще со студенческой скамьи. Здесь коренной вопрос заключался в определении того способа производства, который главенствовал на Древнем Востоке. После той как дискуссия об азиатском способе производства показала, что этот способ производства нельзя рассматривать как особую общественно-экономическую формацию, остается выбор только между феодальным и рабовладельческим способом производства. На Древнем Востоке существовало и рабство и крепостничество; мое долготелее изучение документов по истории Востока привело меня к выводу, что на Востоке ведущую роль занимали различные формы феодальной эксплуатации трудящихся и что рабство на Востоке носило преимущественно домашний характер, а в производстве применялось подобно и расширялось только по временам, в некоторые эпохи, чтобы потом опять сойти на прежнее положение. В этом отношении я мог опереться также на прямое указание Энгельса, который противопоставляет античное и восточное рабство: «Иное дело домашнее рабство на Востоке; здесь оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом частью семьи, переходя в нее незаметным образом» («Диалектика природы», стр. 60, цит. по Ковалеву, Маркс и Энгельс об античности, стр. 220). Специфичность восточного феодализма заключается именно в известной примеси рабского хозяйства; эту специфичность я старался везде, где нужно, отметить. Мое изложение восточного исторического процесса основано на моей самостоятельной работе и является до известной степени марксистским синтезом моих отдельных исследовательских экскурсов.

Гораздо труднее была работа над античным миром. Античный общественно-политический про-

цесс гораздо сложнее восточного; вместе с тем его марксистской разработки, несмотря на наличие ясных и точных установок Маркса и Энгельса, в окончательном виде еще не существует. Для Греции есть известная работа акад. Тюменева; но она ставит общие вопросы лишь в первой части, а во второй и третьей занимается, главным образом, борьбой политических партий, оставляя в тени базу производственных отношений и классовую борьбу. Для Рима марксистской исторической наукой еще ничего не сделано. Поэтому мне пришлось очень много поработать над отделами античного мира. Особенно сложные вопросы возникали по отношению к Греции; их приходилось разрешать, постоянно обращаясь к первоисточникам. Тут я попутно неизменным образом убеждался, каким «кривым зеркалом» греческой истории являются работы буржуазных ученых, упускающих основную ведущую роль рабовладельческого хозяйства в Греции; модернизирующих и иногда даже все еще идеализирующих греческую «демократию» и культуру. Римский процесс проще, «грубее», если можно так выразиться, и обработка его далась мне легче.

Последнее затруднение, с которым мне пришлось считаться при составлении учебника, — это нахождение той меры, в какой надо было дать конкретный фактический материал. Здесь в процессе работы у меня был постоянный перегиб в сторону повышения масштаба этой меры. Перегиб зависел от двух моментов: педагогические соображения заставляли иллюстрировать далекие от нас и не всегда понятные отношения древности возможно большим количеством фактов и к тому же приводили соображения чисто научного характера, ибо, давая нередко мое собственное оригинальное изображение того или иного момента, я, конечно, стремился обосновать его также надлежащим количеством фактов. В результате редакция нашла, что мой учебник оказался местами перегруженным фактическим

материалом. Я произвел значительное сокращение и упрощение с этой стороны как путем простого исключения лишнего материала, так и путем выделения части материала в необязательный (петитом). Необходимый, обязательный для учебников минимум напечатан корпусом; остальное предоставляется на усмотрение преподавателя. Он может дать часть этого дополнительного материала для проработки ученикам, всем или наиболее развитым, может частью воспользоваться им сам для своих рассказов и объяснений. При таком разделении материала минимум не превысит установленной Учпедгизом нормы — 10 авторских листов текста. Критика и здесь укажет мне, какие исправления и сокращения еще нужно сделать; но весьма вероятно, что будут высказаны и пожелания о дополнениях, так как, быть может, некоторые моменты вполне ясные для меня, окажутся неясными и для преподавателей и для учеников.

Я прекрасно сознаю, что в моей работе найдется немало слабых сторон, обусловленных и новизной дела, и недостаточной разработкой ряда вопросов в марксистской исторической науке, и той спешкой, с которой приходилось писать учебник. Я ожидаю помощи от критики товарищей-преподавателей и товарищей-ученых марксистов, от опыта применения учебника на практике и от проверки его марксистской научной мыслью. Лично мне хотелось бы, чтобы это мое возвращение к массовой школе не прошло бы бесследно, чтобы оно принесло ей пользу, которую мне выпало на честь и на долю вложить своими силами в великое здание строящегося социалистического общества и социалистической культуры. Потому-то я и жду критики и оценки моей работы со стороны других участников социалистической стройки — учителей, чтобы я мог мою работу исправить, улучшить и придать ей окончательный надлежащий вид и надлежащее оформление.

А. Шапиро

Как я работал над стабильным учебником

Хотя на моем учебнике написано «Издание 8-е, переработанное», работу, которую пришлось мне проделать, никак нельзя приравнять к тем изменениям, исправлениям и дополнениям, в результате которых обычно получается очередное издание.

Нужно было в полном соответствии с постановлением ЦК от 12 февраля вместо прежней рабочей книги (а мои прежние учебники представляли собой различные варианты рабочей книги) дать систематический курс грамматики, притом такой, который, с одной стороны, стоял бы вполне на уровне современной грамматической науки, а с другой — был бы вполне доступен учащимся 12—14 лет. Кроме того, нужно было сделать этот курс максимально практичным.

Как и всякому автору, который взялся бы за выполнение указанной задачи, мне угрожала двойная опасность: первая, — не желая давать для школы ничего научно непроверенного, ничего такого, что отзывалось бы легкомысленным прожектерством, невольно я шархнул шире, очутиться в лоне старой, дореволюционной школы

грамматики (Смирновский, Петров, Абраменко); вторая, — желая избежать хотя бы малейшего сходства нового учебника с рабочей книгой, свести учебник к сухому перечню «правил» с примерами для разбора.

Сознаю, что как ни часто приходится сейчас слышать похвалы «старикам», и в особенности Петрову, по учебникам которых так хорошо-де выучивались когда-то грамотной речи и грамотному письму, — я все больше и больше убеждаюсь в полной неосновательности этих похвал. И чтобы окончательно утвердиться самому в таком своем взгляде, я, и перед тем как писать свой учебник, и во время самого писания, еще и еще раз проштудировал старые учебники. Здесь не место приводить цитаты из них, не время сейчас заниматься критикой их. Но я категорически утверждаю, что ни по подлинникам этих учебников, ни по «осовеченным» их копиям в нашей школе ни учить, ни учиться было бы невозможно.

Это не значит, однако, что у старых «мастеров» нечего позаимствовать. И я при самом отрицательном своем отношении к грамматическим «концепциям» Смирновского и других поста-